

АВТОР «СТА ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» НЕ ДОВЕРЯЕТ ДИКТОФОНАМ

Известия. - 1994 - 11 июня - с. 7

Herald INTERNATIONAL **Tribune**

Газета «Интернэшнл геральд трибюн», США — Европа

Вдохновение приходит под обжигающими струями утреннего душа. Однообразный ритуал, что следует за пробуждением, когда нужно бриться, причесываться, одеваться, кажется докучливой помехой, которая отдаляет сладостный миг — возможность с упоением окунуться в работу за письменным столом. Утешает только температурный допинг. В душе рождаются художественные образы.

бросается к персональному компьютеру «Эппл», чтобы не дать завянуть распустившемуся бутону новой метафоры.

Можно представить себе неза-

давшийся день, когда израсходованы уже декалитры кипятка, клубы пара встают столбом над домом и видны с горы Попокате-петль, расположенной в 80 кило-

метрах, а вдохновение все не идет. Пора перекрывать кран.

Впрочем, автор «Ста лет одиночества», шедевра, датированного 1967 годом и проданного тиражом 20 миллионов экземпляров, чаще всего проводит в душевой самое большее 10 минут. Это подвигает его на ежедневный подвиг, который выливается в строки, западающие в память:

«...шторм длился четыре года, одиннадцать месяцев и два дня»; «...провозвестником смерти стал морозящий дождь из крошечных желтых лепестков»; «...священник возносится в воздух на шесть дюймов после выпитой чашечки горячего кофе» и т.д.

За минувшие два десятилетия в англоязычной прессе появилось не более дюжины полноформатных интервью-бесед с Гарсиа Марке-

сом, который сегодня неспроста чуждается популярности — он спешит. Хотя и следует заповеди древних «поспешать медленно».

Два года назад у него обнаружили злокачественную опухоль. К счастью, она не пошла в рост. Но многое изменила в отношении писателя к своему ремеслу и жизни. Тема смерти зазвучала с полифонической силой моцартовского «Реквиема».

«Он сидел на деревянной скамейке с нависшими желтыми листьями в опустевшем парке, опершись обеими руками на серебряную ручку своей трости, и, созерцая пропылившихся лебедей, думал о смерти». Так начинается его рассказ «Доброго пути, господин президент» в сборнике «Странные пилигримы», опубликованном минувшей осенью в Со-

единенных Штатах. Стержневой сюжет — судьбы латиноамериканцев, которых судьба кидает по свету. Хотя, наверное, речь идет об ином путешествии — во времени и пространстве.

— Сейчас я больше поспешаю, — признается Гарсиа Маркес. — Раньше я по обыкновению говорил: «Могу это сделать через 20 или 30 лет», но теперь знаю, что у меня может не быть в запасе этих 30 лет. Хотя стараюсь преодолеть это, когда сажусь за работу.

Гарсиа Маркес всегда слыл занудным «перфекционистом», который доводил до совершенства каждую страницу, не допускал ни одной опечатки, даже карандашной пометки. Он верен себе поныне, да и «Эппл» хорошее подспорье. Если раньше он шлифовал ча-

сами одну страницу, то сейчас колдует над десятью одновременно.

А в итоге скоростные характеристики изменились, как если бы турбовинтовой двигатель он сменил на реактивный. Раньше на роман уходило семь лет. Сейчас — не более трех. Но, хотя высокие технологии и прописались в его творческой лаборатории, он во многом патриархально консервативен. Во время беседы, которая состоялась в результате многочисленных переговоров и последовавших ожиданий, он неодобрительно косился на диктофон, потом заметил: «У него есть уши, но нет сердца».

Гарсиа Маркес недавно завершил трагическую мелодраму под названием «Любовь и другие демоны», далеко продвинулся в цикле автобиографических эссе. Сам

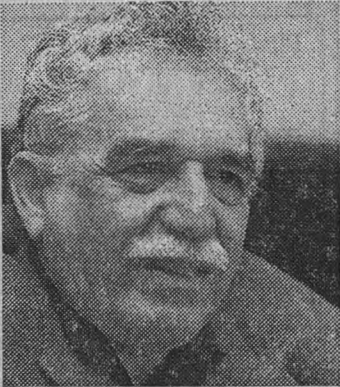
он считает себя по-прежнему журналистом.

— У меня была давняя задумка: приехать в маленький городок в Колумбии, вылезти из машины и отправить репортаж о том, что там происходит. Но затем я кое-что осознал. На третий день туда слетятся все корреспонденты Колумбии, чтобы наблюдать, как я это делаю. Сегодня я сам стал новостью.

Сам патриарх, несмотря на возрастную осень, хранит весну в своей душе. Он полон неудержимой энергии, предпочитая все время отдавать своему призванию:

— Ничто не может меня заставить отказаться от того, что я делаю. Я пишу — и в этом вся моя жизнь.

Владимир МИХЕЕВ.

Это из-за них 67-летний патриарх латиноамериканской литературы, встречающий солнце в пять часов утра, выбегает подчас с шампунем во вьющихся волосах,